

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-738-748

СЕТЕВАЯ ПРИРОДА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА И ВОЗМОЖНОСТИ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А.В. Абрамов, С.Н. Федорченко

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

К.П. Курылев

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Целью статьи является анализ сетевого механизма воспроизводства международного терроризма — феномена постправды, решительно изменяющего прежнюю интерпретацию политического, этнического, религиозного, культурного и социального, приводя к исчезновению прежних смыслов, когда важно уже не то, правдиво новостное сообщение или нет, а его активное переживание, обсуждение. Используемый в качестве методологии контент-анализ сетевых сообществ подтвердил рабочую гипотезу, согласно которой несмотря на имеющийся абсентеизм и атомизацию социума в современных странах проявляется стремительная политизация сообществ социальных сетей Интернет по причине подрыва доверия граждан к традиционным политическим институтам — партиям и парламенту. Вербовщики террористических организаций используют этот тренд в своих целях, разогревая эмоциональный настрой участников социальных сетей и заостряя их обиды и противоречия по различным признакам.

По мнению авторов, террористической пропаганде псевдобратства и космополитического религиозного общества современное государство может противопоставить только идеологию патриотизма. При этом характерной чертой патриотизма должна оставаться его опора на национальный суверенитет и дееспособное государство. Однако авторы, проанализировав методические разработки по проблеме патриотического воспитания в современной России, отмечают, что большинство предлагаемых приемов не учитывают развитие сетевого общества и заимствовано из советского ассортимента: лекции, беседы, классные часы, конкурсы смотра строя и песни, военно-патриотические сборы и пр. В работе делается вывод, что государство, не обращающее внимание на механизмы сборки новых политических идентичностей через социальные сети и не занимающееся элементарным политическим просвещением через интернет-коммуникации, будет вытеснено из виртуальной среды и не сможет выстроить эффективную защиту от технологий государственных переворотов в виде «цветных революций».

Ключевые слова: международный терроризм, патриотическая консолидация, политизация социальных сетей, Интернет, политическая идентичность, глобализация

POST-TRUTH СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

Усилившиеся в последнее время риски международного терроризма связаны со многими факторами. Возникает проблема соотношения этих факторов и локализации той матрицы, которая способствует созданию благоприятных условий для появления международных террористических групп. Поэтому целью работы будет исследование сетевой основы данного деструктивного явления, а также пред-

ложение профилактических мер по снижению влияния международных террористических группировок на глобальной арене.

В первую очередь, важно понимать экономические причины терроризма. Но это не просто выгода от торговли оружием и наркотиками. После Великой депрессии часть правительств поверили в уникальную роль государства по регулированию экономических процессов, но во второй половине прошлого столетия произошло снижение интереса к кейнсианской модели, вместо этого на передний план выдвинулся либеральный подход к рыночным отношениям. Однако после глобального кризиса 2008 г. многие перестали верить и в силу государства, и в возможности рынка, разочаровавшись как в принципах Дж.М. Кейнса, так и в советах М. Фридмана [Дуткевич, Казаринова 2017].

Во-вторых, питательной средой терроризма стало и социальное неравенство, связанное во многом с провалами экономических экспериментов в различных странах. И все это происходит в сетевом обществе (особенности которого подробно описаны в книгах М. Кастельса) с новыми коммуникационными возможностями и растущим критическим порогом по отношению к власти.

В-третьих, социально-экономические проблемы совпали по времени с ценностным кризисом. К примеру, З. Бауман определяет это явление как «плавающее общество», когда ослабляются прежние культурные ядра, идентичность становится функцией рыночных отношений, одновременно в западном мире растет постоянный страх (*liquid fear*) индивидов за свою безопасность [Bauman 2006] от мигрантов, новых социальных групп, способных разрушить привычный для них порядок. Реакцией на это становится, с одной стороны, популярность правых политических сил, активизация неонацистских движений, а с другой стороны, и углубляющаяся архаизация мигрантов и жителей экономически неблагополучных стран.

Весь этот далеко не исчерпывающий перечень причин радикализации общества гипертрофируется феноменом *post-truth* (постправды) — удобной и желаемой для лиц, формирующих «проблемное поле» политики, правды, возникающей под влиянием социальных сетей Интернета, где накапливается масса непроверенной информации. Постправду не нужно путать с заурядной ложью, фейком, мифом, она, скорее, выступает специфической квазиреальной средой, особенно комфортной для всевозможных стереотипов и псевдоновостей [Чугров 2017]. Не зря М. Игнатъев главной проблемой терроризма считает подрыв легитимности власти в современных государствах, разрушающий всю парадигму антитеррористических мер, выстроенную вокруг принципа фиксации политического противостояния [Ignatieff 2004]. Гарвардский профессор заметил, что в настоящее время международный терроризм переплетается не только с политическим насилием, но и с личной и религиозной сферой недовольных групп.

Важно понимать, что постправда «взламывает» прежнюю интерпретацию политического, этнического, религиозного, культурного и социального, приводя к исчезновению прежних смыслов, когда важно уже не то, правдиво новостное сообщение или нет, а активное переживание, обсуждение содержания этого со-

общения. Террористические вербовщики разогревают эмоциональный настрой потребителей информации, заостряя их обиды и противоречия по различным признакам. Цель террористов — это, прежде всего, сообщества, недовольные социально-экономическим положением, активная часть политической оппозиции, сепаратисты, радикальные религиозные группировки. Но самым уязвимым слоем населения является, конечно, молодежь. Последние исследования свидетельствуют, что репрезентативность популярных социальных сетей в ведущих странах составляет порядка 40—50% [Дегтерев, Белякова 2013], и наиболее представленная здесь группа — именно молодое поколение. В этом нет ничего удивительного, ведь молодежные группы часто воспринимают информацию через эмоциональный фон постправды социальных сетей Интернета, где царит эффект «карнализации сознания» из мемов и хештегов, меняющих интерпретацию образов политического процесса.

ПОЛИТИЗАЦИЯ ИНТЕРНЕТА КАК УСЛОВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

На базе кафедры политологии и права Московского государственного областного университета в декабре 2015 — январе 2016 г. была организована первая, а в декабре 2016 — январе 2017 г. вторая волна сетевого проекта «Глобальное исследование политизации социальных сетей» (научный руководитель — кандидат политических наук С.Н. Федорченко, координатор проекта — Е.М. Лымарь). Целью исследования было изучение наиболее политизированных сообществ (узлов, групп) в популярных социальных сетях (Facebook, Twitter, YouTube, Instagram, ВКонтakte, Одноклассники). Как раз одной из задач являлось определение радикально настроенных к власти сообществ социальных сетей Интернета. Методологией стал контент-анализ сетей, позволивший выявить политизированный контент через поиск ключевых слов («политика», «власть», «государство», «правительство», «партии» и др.) на различных языках. Итоговый объем материала по тегам определялся путем подсчета количества крупных политизированных сетевых сообществ по каждому из ключевых слов.

Самыми политизированными социальными сетями оказались Facebook и Twitter. Результаты проекта показали, что социальные сети Интернета не просто политизировались — в них возникают определенные идентичности. Террористы используют для расширения своей базы наиболее радикальные сетевые сообщества, недовольные политикой официальных властей. Такая почва есть практически в любой стране. Например, в США был зафиксирован рост сообществ, связанных с флагом Конфедерации (политические хештеги #southernpride, #confederate_flag). В различных американских сетевых группах возрождается противостояние идентичностей «Юга» и «Севера»: с одной стороны, наблюдается расизм, исламофобия, негативное отношение к гомосексуализму, критика действующей власти, с другой — нетерпимость по отношению к южанам, их истории, флагу Конфедерации.

Таблица 1 / Table 1

**Дискурс пользователей сетей о власти, %¹ /
Discourse of network users about power, %**

Первая волна / First wave			
Кластеры Интернета / Internet Clusters	Политические субкультуры / Political subcultures		
	Проправительственная / Pro-governmental	Умеренно-оппозиционная / Moderately oppositional	Радикальная / Radical
Западноевропейский / Western European	38	58	4
Англосаксонский / Anglo-Saxon	54	33	13
Латиноамериканский / Latin American	81	18	1
Азиатский / Asian	59	35	6
Африканский / African	41	57	2
Вторая волна / Second wave			
Западноевропейский / Western European	47	44	9
Англосаксонский / Anglo-Saxon	64	25	11
Латиноамериканский / Latin American	69	28	3
Юго-Западный Азиатский / South-West Asian	67	20	13
Юго-Восточный Азиатский / South-East Asian	55	41	4
Африканский / African	71	23	6
Постсоветский / Post-Soviet	62	27	11

Источник: Составлено авторами

¹ В период методологической подготовки первой волны была проведена примерная кластеризация Интернета стран по следующим группам: Западноевропейский (Германия, Италия, Испания, Франция, Швеция, Люксембург), Англосаксонский (США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия), Латиноамериканский (Бразилия, Перу, Аргентина, Мексика, Колумбия, Венесуэла, Коста-Рика), Азиатский (Саудовская Аравия, Иордания, Сирия, Иран, Китай, Южная Корея) и Африканский (ЮАР, Марокко, Египет, Кения, Нигерия, Тунис) кластеры. Следует подчеркнуть, что во время подготовки второй волны были осуществлены важные методологические корректировки: из Азиатского кластера с учетом культурных особенностей регионов были выделены Юго-Западный Азиатский кластер (Турция, Саудовская Аравия, Иран, Иордания, Сирия, ОАЭ) и Юго-Восточный Азиатский кластер (Китай, Южная Корея, Япония, Индонезия), появился и новый Постсоветский кластер (Россия, Украина, Белоруссия, Молдавия, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Армения и Азербайджан), в Западно-европейский кластер были добавлены Нидерланды.

Сетевые риски терроризма заставляют политиков обращаться к непопулярным мерам фильтрации данных. В европейских странах была зафиксирована активизация политической цензуры Интернета. Если раньше антимусульманские сообщества были доступны, то теперь их страницы заблокированы. Цензура проводится местными властями по нескольким причинам: из-за вызовов со стороны сетевых групп мигрантов, а также из-за рисков со стороны радикальных антимусульманских сообществ. Но это не решает проблемы, так как вызывает сопротивление как со стороны европейских правых, так и со стороны представителей исламских активистов. Причем сами европейские исследователи фактически признают возникшее сильное взаимовлияние традиционных, реальных политических идентичностей и новых, виртуальных сетевых политических идентичностей друг на друга [Coretty, Pica 2015]. Политизация миграционной темы сближает Интернет Европы и Австралии, тогда как в социальных сетях Ирана проправительственные сообщества активно набирают популярность, а оппозиционные, напротив, теряют ее, в том числе и по причине практикующейся фильтрации данных. Вполне возможно, что это происходит в рамках применения иранскими властями технологий «мягкой силы» [Курьлев, Никулин, Гончарова 2017]. В Марокко и Египте большинство радикальных групп в социальных сетях также блокируются, организаторы их вынуждены бежать за границу. При этом практически во всех исследованных постсоветских странах (за исключением Украины, Азербайджана и Армении) критика власти подвергается решительной цензуре.

Контент-анализ сетевых сообществ подтвердил рабочую гипотезу проекта, согласно которой, несмотря на имеющийся абсентеизм и атомизацию социума в современных странах, проявляется стремительная политизация сообществ социальных сетей Интернета по причине подрыва доверия граждан к традиционным политическим институтам — партиям и парламенту. Этим и пользуются террористические организации, использующие политические манипуляции через сетевые алгоритмы [Beer 2009].

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И СУВЕРЕНИТЕТ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

Осознание терроризма глобальной угрозой заставляет правительства современных стран заняться выработкой антитеррористической политики. В современной литературе под ней понимают деятельность по профилактике и борьбе с терроризмом, по устранению его причин, предупреждению терактов ради сохранения существующего общественного и государственного строя, целостности и суверенитета страны, обеспечения безопасности граждан, промышленных и гражданских объектов [Шикунов 2014].

Реализация такой политики сводится обычно к силовому способу борьбы с терроризмом. Такой подход заключается в уничтожении террористов, разрушению мест их базирования, пресечению каналов финансирования их деятельности. Если такая деятельность осуществляется суверенным государством, имеющим дееспособные спецслужбы, она дает положительный результат.

Примером здесь может послужить антитеррористическая политика России на Северном Кавказе. Хотя борьба далеко не закончена, тем не менее, разветвленное террористическое бандподполье в целом уничтожено. Напротив, последние террористические акты в странах Евросоюза (март 2016 г. — Брюссель, декабрь 2016 г. — Берлин, февраль 2017 г. — Париж, март 2017 г. — Лондон, апрель 2017 г. — Стокгольм и т.д.) продемонстрировали, что отказ Европы от своего суверенитета, выразившийся в перекладывании антитеррористической деятельности на США, привел к абсолютной неспособности европейских сил правопорядка остановить террористов.

Использование силовой стратегии в международном масштабе имеет еще более неоднозначные последствия. Так, совместная деятельность российских Воздушно-космических сил России, сирийской армии и иранских добровольцев позволила нанести так называемому Исламскому государству (организация запрещена в России) существенный ущерб, в то время как предшествующая этому деятельность Международной коалиции во главе с США в этом регионе имела весьма скромные последствия [Шегаев 2015]. Последнее, впрочем, объясняется явным желанием Запада использовать террористов в своих интересах: осуществить свержение режима Б. Асада в Сирии и дестабилизировать государства Центральной Азии, а через них создать проблемы для Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Впрочем, несмотря ни на что, главный недостаток силового подхода к реализации антитеррористической политики заключается в том, что уничтожение отдельных террористов и ликвидация их «гнезд» лишь временно ослабляют угрозу. Терроризм подобен сказочному змею, отсечение голов которого приводит к отрастанию новых до тех пор, пока не отрублен «волшебный коготь», т.е. не ликвидированы причины этого явления.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ VS ТЕРРОРИЗМ

Как представляется, причины терроризма лежат не столько в материальной, сколько в духовой сфере жизни общества. В силу этого отмеченная выше тенденция — использование Интернета для воздействия на сознание современной молодежи с целью организации создания наднациональных сетевых террористических групп — нуждается во внимательном изучении и анализе.

Как совершенно справедливо отмечают российские исследователи С.И. Грачев, О.А. Гасымов и А.С. Попов, «при поиске путей повышения эффективности борьбы с терроризмом наиважнейшим представляется решение вопросов идеологического противоборства, ибо роль идеологического компонента важна как при формировании террористических угроз, так и при организации эффективного противодействия этим угрозам» [Грачев, Гасымов, Попов 2013].

Очевидно, что современный терроризм существенным образом отличается как от бомбизма XIX — начала XX в., так и от вооруженного сепаратизма баскской организации ЭТА и Ирландской республиканской армии второй половины XX в. Не будет преувеличением заметить, что терроризм XXI в. — это проявление отмеченного еще С. Хантингтоном «столкновения цивилизаций». Осознание несправедливости современной мир-системы, в которой вчерашние колонии так

и не обрели настоящей экономической и политической самостоятельности, с одной стороны, и навязывание Западом своей системы ценностей и образа жизни всему миру — с другой, закономерно вызвали у незападной молодежи желание найти альтернативу. В первую очередь, это коснулось молодых европейцев, чьи родители были трудовыми мигрантами. «Популярность религиозных практик и набожности, — отмечает французский социолог Ю. Лагранж, — растет среди иммигрантов, которые прибыли во Францию до 16 лет, и детей иммигрантов, однако это не относится к тем, кто приехал уже взрослым» [Каргина 2013]. Не сумев найти себя на новой родине, молодые беженцы и дети мигрантов бросились в объятия идеологии исламизма, отрицающей авторитеты и эксплуатирующей идеи социальной справедливости, что весьма созвучно юношескому максималистскому восприятию мира.

Современный исламизм, сторонники которого вербуются через Интернет, является ярким примером постправды. В значительной степени этому влиянию оказалась подвержена и определенная часть российской молодежи.

Проповедям псевдобратства и космополитического религиозного общества современное государство может противопоставить только идеологию патриотизма. Характерной чертой патриотизма является его опора на национальный суверенитет и дееспособное государство. Как было показано выше, именно космополитическая модель «европейского дома», в котором произошла деградация национальных государственных институтов, прежде всего, силовых структур и спецслужб, стала предпосылкой распространения терроризма. Напротив, сильное национальное государство, артикулирующее и отстаивающее свои национальные интересы и имеющее мощные силовые структуры, характеризуется пониженным фоном террористической угрозы. Контрастом европейскому Западу служат США, где после событий 11 сентября 2001 г. деятельность спецслужб позволила свести теракты к минимуму. Аналогичная тенденция наблюдается и в современной России, где после разгула терроризма в 1990-е гг., являвшегося прямым следствием неспособности государственной власти поддерживать порядок, начиная с 2000-х гг. происходит укрепление вертикали власти и снижение террористической угрозы.

Помимо государства важным компонентом патриотической идеологии является опора на традиционные ценности, в том числе и религиозные. Россия в этом отношении представляет собой великолепный пример долговременного совместного бытия множества конфессий и этносов. Гордость за историю и культуру своей этнической группы в сочетании с чувством глубокого уважения к другим этническим и религиозным группам, населяющим Россию, является той самой «точкой сборки» нашей страны.

Такая патриотическая консолидация общества может и должна стать реальным противовесом распространению террористической угрозы, несущей гибель и смерть как конкретным людям, так и государству в целом.

Однако реализация этой цели невозможна без государственной информационной поддержки, прежде всего, в сети Интернет. С сожалением приходится констатировать, что деятельность патриотических сообществ в социальных сетях является недостаточно эффективной. Государство с трудом «подбирает ключи» к молодежной аудитории.

Серьезнейшей проблемой является недостаточная проработанность новых форм, в которых необходимо проводить антитеррористическую, патриотическую работу. Подобно тому, как генералы готовятся к прошедшей войне, некоторые из российских чиновников предлагают воспитывать патриотов с помощью приемов из прошлой эпохи. Если проанализировать методические разработки по проблеме патриотического воспитания, мы увидим, что большинство предлагаемых методов заимствовано из советского ассортимента: лекции, беседы, классные часы, конкурсы смотра строя и песни, военно-патриотические сборы, ДОСААФ, нормы ГТО и пр. Однако мир изменился. Нынешняя молодежь — это визуалы с клиповым мышлением. Им надо видеть, действовать. Но современных действий предлагается немного. Из наиболее удачных акций — «Бессмертный полк».

Чтобы достучаться до современной молодежи, власти необходимо использовать современные ресурсы: компьютерные игры, социальные сети, видеосюжеты на YouTube (типа саркастического ролика «Я русский оккупант!») и т.п. Думается, что только в этом случае патриотическая идеология станет эффективным средством борьбы с терроризмом, дополнив силовые методы борьбы с этим глобальным злом XXI в.

Подводя итоги, важно подчеркнуть, что условия для распространения международного терроризма формирует современная постправда Интернета. Крайняя невнимательность государства к формированию легитимности общественного порядка, конструированию патриотически ориентированных целевых аудиторий через сетевые коммуникации может иметь фатальные для страны последствия. И никакая традиционная цензура и фильтрация данных здесь не помогут, если власть не станет целенаправленно выстраивать эффективную обратную связь между обществом и государством посредством диалога (не манипуляции) с сетевыми сообществами. К примеру, ИГИЛ (террористическая организация, запрещена в РФ) обрела известность благодаря последовательной интернет-пропаганде своей деятельности, рассчитанной на молодежь, тогда как власти различных государств решительно проигрывают битву за молодежь в сетевом формате.

Контент-анализ интернет-пространства свидетельствует о стремительной политизации социальных сетей, где патриотический дискурс (как инициированный независимыми группами, так и властями) буквально теряется в море других политических новостей и тем, не пересекающихся с патриотизмом. Исследование политизированного дискурса сообществ социальных сетей (Facebook, Twitter, YouTube, ВКонтакте, ЖЖ (русскоязычная платформа), В Кругу Друзей, Google+, Профессионалы.ru, linkedin.com) это хорошо доказывает [Абрамов, Федорченко 2016]. Государство, не обращающее внимание на механизмы «сборки» новых политических идентичностей через социальные сети и не занимающееся элементарным политическим просвещением через интернет-коммуникации, будет вытеснено из виртуальной среды и не сможет выстроить эффективную защиту от технологий государственных переворотов в виде «цветных революций».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамов А.В., Федорченко С.Н. Политизация современного российского общества и патриотизм граждан: контент-анализ социальных сетей // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 1 (9). С. 115—120.
- Грачев С.И., Гасымов О.А., Попов А.С. Идеология как определяющий компонент террористической активности и антитеррористической политики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. Т. 1. № 12. С. 45—49.
- Дегтерев Д.А., Белякова Е.А. Современные технологии анализа международных конфликтов // Обозреватель-Observer. 2013. № 1 (276). С. 80—87.
- Дуткевич П., Казаринова Д.Б. Конец эпохи глобализации: причины и последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2017. Т. 19. № 1. С. 7—14.
- Каргина И.Г. Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социс. Социологические исследования. 2013. № 6. С. 108—115.
- Курьлев К.П., Никулин М.А., Гончарова А.А. «Мягкая сила» культурной дипломатии Исламской Республики Иран // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 46—55. DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-46-55.
- Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42—59.
- Шегаев И.С. ИГИЛ и национальная безопасность России: оценка рисков и угроз // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2015. № 1. Режим доступа: <http://vestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/622>. Дата обращения: 13.05.2017.
- Шкунов Д.В. Система противодействия терроризму в Российской Федерации // Власть. 2014. № 8. С. 190—192.
- Bauman Z. Liquid Fear. Cambridge: Polity Press, 2006.
- Beer D. Power though the algorithm? Participatory web cultures and the technological unconscious. New Media & Society. 2009. Vol. 11. № 6. P. 985—1002. DOI: 10.1177/1461444809336551.
- Coretta L., Pica D. The Rise and Fall of Collective Identity in Networked Movements: Communication Protocols, and Anti-Berlusconi Protest // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18. № 8. P. 951—967.
- Ignatieff M. The lesser evil: political ethics in an age of terror. Princeton (N.J.); Oxford: Princeton univ. press. 2004. XII. P. 124—125.

Дата поступления статьи: 15.09.2017

Для цитирования: Абрамов А.В., Федорченко С.Н., Курьлев К.П. Сетевая природа международного терроризма и возможности консолидации российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 738—748. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-738-748.

Сведения об авторах: Абрамов Андрей Вячеславович — канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета (e-mail: abram-off@mail.ru).

Федорченко Сергей Николаевич — канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru).

Курьлев Константин Петрович — д-р ист. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: kurylev_kp@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-738-748

NETWORK CHARACTER OF INTERNATIONAL TERRORISM AND THE POSSIBILITY OF THE CONSOLIDATION OF THE RUSSIAN SOCIETY

A.V. Abramov, S.N. Fedorchenko

Moscow State Regional University, Moscow, Russia

K.P. Kurylev

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. The purpose of this article is to analyze the network of the mechanism of reproduction of international terrorism — the phenomenon of post-truth, strongly modifies the previous interpretation of the political, ethnic, religious, cultural and social, leading to the disappearance of the former meaning when it is important that people are truthful news report or not, and his active experience, discussion. Used as a methodology content analysis of online communities has confirmed the working hypothesis that, despite absenteeism and the atomization of society in modern countries, manifested by the rapid politicization of the communities the social networks of the Internet because of the undermining of public confidence in traditional political institutions — parties and Parliament. Terrorist recruiters use this trend to their advantage, warming the emotional state of the participants of social networks and sharpening their grievances and contradictions on various grounds.

According to the authors, the terrorist propaganda about brotherhood and religious cosmopolitan society the modern state can be countered only by the ideology of patriotism. With the characteristic feature of patriotism should be its bearing on national sovereignty and a functioning state. However, the authors are analyzing methodological developments in the problem of Patriotic education in modern Russia, note that most of the proposed techniques do not consider the development of a network society and borrowed from the Soviet range: lectures, discussions, class hours, competitions of the show and songs, military-Patriotic fees, etc. The work concludes that the state is not paying attention to the mechanisms of Assembly of new political identities through social networks and are not involved in elementary political education through Internet communication, will be eliminated from the virtual environment and will not be able to build an effective protection of technologies of coups in the form of “color revolutions”.

Key words: international terrorism, patriotic consolidation, politicization of social networks, the Internet, political identity, globalization

REFERENCES

- Abramov, A.V. & Fedorchenko, S.N. (2016). The politicization of contemporary Russian society and the patriotism of the citizens: a content analysis of social networks. *Bulletin of Omsk University. A series of “Historical science”*, 1 (9), 115—120. (In Russ.).
- Bauman, Z. (2006). *Liquid Fear*. Cambridge: Polity Press.
- Beer, D. (2009). Power though the algorithm? Participatory web cultures and the technological unconscious. *New Media & Society*, 11 (6), 985—1002. DOI: 10.1177/1461444809336551.
- Chikunov, V.D. (2014). System of combating terrorism in the Russian Federation. *Power*, 8, 190—192. (In Russ.).
- Chugrov, S.V. (2017). Post-truth: transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy? *Polis. Political studies*, 2, 42—59. (In Russ.).
- Coretta, L. & Pica, D. (2015). The Rise and Fall of Collective Identity in Networked Movements: Communication Protocols, and Anti-Berlusconi Protest. *Information, Communication & Society*, 18 (8), 951—967.

- Degterev, D.A. & Belyakova, E.A. (2013). Modern technologies of the analysis of international conflicts. *Obozrevatel-Observer*, 1 (276), 80—87. (In Russ.).
- Dutkiewicz, P. & Kazarinova, D.B. (2017). End of the era of globalization: causes and effects. *RUDN Journal of Political Science*. 19 (1), 7—14. (In Russ.).
- Grachev, S.I., Gasimov, O.A. & Popov, A.S. (2013). The Ideology as a defining component of terrorist activity and counter-terrorism policy. *Bulletin Kazan law Institute of MIA Russia*, 1 (12), 45—49. (In Russ.).
- Ignatieff, M. (2004). *The lesser evil: political ethics in an age of terror*. Princeton (N.J.); Oxford: Princeton univ. press, XII, 124—125.
- Kargina, I.G. (2013). Key trends in the study of contemporary manifestations of religiosity. *Sotsis*. 6, 108—115. (In Russ.).
- Kurylev, K.P., Nikulin, M.A. & Goncharova, A.A. (2017). “Soft power” cultural diplomacy of the Islamic Republic of Iran. *Bulletin of Moscow state regional University. Series: History and Political science*, 2, 46—55. DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-46-55 (In Russ.).
- Segaev, I.S. (2015). ISIL and Russia’s national security: assessing risks and threats. *Bulletin of Moscow state regional University (E-journal)*, 1. URL: <http://evestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/622> (accessed: 13.05.2017).

Received: 15.09.2017

For citations: *Abramov, A.V., Fedorchenko, S.N. & Kurylev, K.P.* (2017). Network Character of International Terrorism and the Possibility of the Consolidation of the Russian Society. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 738—748. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-738-748.

About the authors: *Abramov Andrey Vyacheslavovich* — PhD in Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University (e-mail: abram-off@mail.ru).

Fedorchenko Sergey Nikolaevich — PhD in Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru).

Kurylev Konstantin Petrovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: kurylev_kp@rudn.university).